

ИЗ РОДА МУРОМЦЕВ

Photo
Lab

Из рода Муромцев.

Беседа наша с Аркадием Петровичем Маслихиным затянулась, да и смеркается в декабре рано. Мы сидели в одном из пахнущих свежей краской кабинетов нового корпуса объединения «Электроаппарат». Свет включить как-то забыли, не заметили и обострившейся тишины — рабочий день закончился, отделы опустели.

Сумерки смыли контрастность, потеряла цвет стена, у которой сидел мой собеседник, остались видны только линии. Между облицовкой и углом комнаты — словно абсцисса и ордината, на которых математики вычерчивают графики функций. Лицо Аркадия Петровича на фоне этой «декартовой системы» было уже плохо различимо, но мы все не могли расстаться определить нужных точек на осях жизни и времени.

Курсант Маслихин изобрел танковый прицел. Вернее, через передачу совместил призматический дальномер с механизмом наведения ствола. Доложил по форме. Генерал, начальник училища, выслушал молча горячие комментарии к чертежу, смерил курсанта взглядом в головы до ног и обратно. «Уж очень молод изобретатель, да и образование всего десятилетка. Бред какой-нибудь.»

Мудрено, брат. Давай-ка мы с тобой к специалистам обратимся. Тут вот на задах у нас эвакуированный институт телемеханики и автоматики разместился. Пусть посмотрят...

Пошел Маслихин к профессору. Подивились в институте технической простоте предложения курсанта. Собрали комиссию. Ей тоже понравилась смелость вчерашнего десятиклассника. Но не нашла она тонкости расчета. Успокоили все сообща: у вас курсант хороший прицел на

техническое творчество, способности есть. А над этой вещицей (про дальномер и механизм наводки) соответствующие ведомства работают. С тем и расстались. К тому же однокурсники Маслихина были уже на фронте. Да и еще с женой надо было проститься, с Марусей.

Аркадию дивились: война вовсе не обещает быть короткой, какая уж тут женитьба. Но Маруся поняла, хотя сказал ей всего немного: «Раз я еду на фронт- все там будет в порядке». Это было бравада, но такой уж язык юности, прячет он серьезное в иронии. Войны и в самом деле никто из сверстников не страшился. К ней готовили себя. Не потому ли почти все одноклассники Аркадия поступили в военные училища.

Не страшился Маслихин и не знал, что почти весь параллельный курс уже сложил головы у озера Ильмень. Шли ребята с винтовками в руках: машин не хватало, а враг наседал. Много позже встретил Аркадий Петрович товарища, который сообщил об этом. Сняли фуражки с офицерскими кокардами, помянули павших.

А в сорок втором не оглянуть было через водительскую амбразуру танка, не осмыслить.

Их маршевую роту перебросили эшелонам с Урала под Сталинград. На пригородной станции попали под бомбежку. «Воздух!» И все - в укрытия, как положено. Аркадий же схватился за турельный пулемет и начал жарить по самолетам. Видит, трассирующие пули бьют по фюзеляжу, но не берут. Злость на зубах скрипит, еще и знатоки нашлись.

-Что, лейтенант, в черную ночь колотил, не тот калибр ведь.

Марш-бросок до Сталинграда был уже не столь рискованным, сколько утомительным. Ночное вождение в училище, конечно испытывали. Но тут шли 12 километров в клубах невероятной пыли. Вся ориентировка по рации. А с каждой ямой не переговоришь. Здесь, пожалуй, я понял впервые, что танк «КВ» не только по классу тяжелый. Как ухнет с боку на бок гусеницами- нутро переворачивается. Да и дышать нечем, во рту все «оштукатурено».

Пришли к тракторному заводу, заправились топливом, боеприпасами. Незнакомец со шпалами в петлицах махнул вперед от заводского забора: «Туда марш, в бой!». Рванули и через несколько сот метров закрутились на месте — миной выбило трак.

— Тут и башку потеряешь, если каждый интендант с приказами лезет, — ругался командир танка Евсеев.

Под «башкой» он, конечно, имел в виду башню. А точнее, и то и другое. Тем не менее надо ремонтироваться — механику не до выяснения тактических просчетов. Нашелся скоро и настоящий воинский начальник. Маршевую роту определили в состав третьей гвардейской танковой бригады.

Не счесть всех бросков, маневров, побед. Все это утонуло в скрежете металла, в гуле моторов. Лихорадка боя отнимает способность замечать окружающее. Видишь только цель и поглощаешь ее, иначе она поглотит тебя, потому что цель — это вражеское орудие, танк, укрепление. Терялось даже ощущение собственного тела. Оно отдавалось движению. Рычаги вперед, назад, стоп! И запах угарного газа от перегретого двигателя.

Пространство терялось. Но обелиски памяти на своих местах. Вот балочка под Котельниковым. Вышли из боя и спрятались в ней. В соседней балке - кавалерийский отряд. На него и налетели бомбардировщики. А когда ухнули взрывы, слетели с танка зеленые ветки кустарника, которыми маскировались. Со второго захода смертоносная капля упала прямо у машины. Танку бомба что- осколками не возьмешь, а вот с командира тоже слетели зеленые листики жизни. Трое из тех, кто поправлял маскировку, ранены. Аркадий был в это время с другой стороны танка - контузило.

Отправил он товарищей в санитарной телеге и ходил вокруг танка, обалдевший, оглохший, словно что-то искал. Прилег, и тишина соприкоснулась с тишиной.

...Деревянной улицей поселка идет Аркадий к железнодорожной линии. За ней вдалеке луковицы куполов. Рядом косолапит глухонемой котельщик Василий. Утро тихое, теплое, пронизывает тело. Паровозы, как промышленные петухи, перекликаются на станции. Василий их не слышит, но

смотрит тоже в ту сторону, у него свое чутье, утро его радует по-своему.

На Вилетьме разуваяются и пошли мутить воду, выбирая из озера змееподобных вьюнов. Есть наживка для сомов. Теперь - на Оку. Уха будет в пол сомов (больше мальчишке не положено) - матери на пироги.

...Но надо выводить танк. А мираж? Мираж - фронтовому поэту.

Мальчишки мужали
мальчишки выросли,
И только бы жить
начинать сорванцам
Как их завертели такие
метели.

Какие не снились,
пожалуй, отцам.

Потери прибавляли злости. Ведь это его сверстники - двадцать второй год. Их все меньше и меньше в строю. Война учила Аркадия воевать. Война учила выживать. Научился не выходить из танка ни при какой бомбежке, ни при каком обстреле. Машина надежнее укрытия. Однажды на марше бомба упала прямо перед танком. На подушке взрыва он нырнул прямо в воронку - и ничего. Хотя глубина в четыре танка.

С фронтом шел на запад. Вступил в партию. Потерял еще один экипаж. Вывел танк из обреченной позиции, подавив орудия. Получил медаль «За отвагу», потом орден Красной Звезды. Еще такой же орден, еще. Но к этому времени прицел, изобретенный в училище, напоминал лейтенанту Маслихину о себе.

Он опять стал отстаивать свою конструкцию. Обращался в Главное артиллерийское управление с новыми вариантами. В конце концов его идею используют. Но существеннее оказалось предсказание ученых соседей о прицеле на техническое творчество. Больше того - о жизненном прицеле.

Была в лейтенанте способность мыслить техническими образами. Это сродни поэзии. Если художник видит в голове

картины, конструктор видит работающие узлы. И не глянь война, был бы Аркадий Маслихин сугубо мирным человеком, созидателем. А пока ему поручили ремонт танков. Заметили, что механик он от бога.

Нет, не в тылу предстояло ремонтировать. Мастерская Маслихина шла с линией фронта. Под огнем противника нужно было и траки надевать, и броню латать, и даже двигатели менять. Как это было в Прибалтике перед вступлением в Пруссию.

Командир полка вызвал Маслихина под вечер.

-Сколько танков на капитальном ремонте?

-Пять.

-К шести ноль-ноль должны быть на ходу.

-???

-К шести ноль-ноль!

Меняли двигатели, коробки передач, катки. Варили, красили. Как успели- никто не скажет, но утром машины двинулись вдоль песчаной косы побережья, на запад. Это был подвиг перед подвигом. Подвиг ремонтников перед подвигом танкистов.

И все же для Аркадия Петровича началась новая жизнь. Он еще получит орден Отечественной войны II степени, много медалей, вырастет в звании до подполковника, более двадцати лет будет служить в армии. И все же в сорок четвертом с головой уйдет в мир конструкторских импровизаций, технических поисков, производственных отношений.

В Польше дали ему в подчинение цех. Восстанавливал боевую технику. В то время и был капитан награжден двумя польскими медалями. В Средней Азии «доверили» мастерскую, тоже танковую.

-Принимай. - шутило начальство, - одиннадцать лет плана не выполняет. Рабочие здесь гражданские, а вы человек военный. Вот и наведите соответствующую дисциплину.

Навел. А уже выписано новое назначение. На далекий Амур приехали, обжились- ничего. Приехали. Потому что еще в Польшу вызвал жену с трехлетним сыном. И колесили с тех пор по жизни вместе.

Службу Аркадий Петрович не выбирал, она выбирала его. Но где бы ни был, шел по прицелу. Искал технические неувязки, конструкторские заковыки. Здесь станок для балансировки валов смонтировал, там — поточную технологию разработал. Не терпел кустарщины, примитивизма, технической безграмотности. Это у него конфликт на всю жизнь.

Не искал службу, но однажды пришлось сделать выбор. На Сахалине тяжело заболел второй сын. Врачи порекомендовали комбату Маслихину срочно сменить климат. Перевод затянулся и пришлось уволиться из армии. Так очутился на Уфимском заводе низковольтной аппаратуры. Начал работать механиком и попал как рыба в воду. По-настоящему развернулся. Вспомнил и о недоверии к нему в курсантском возрасте: с десятилеткой, мол, да в изобретатели. Пошел поступать на заочное отделение авиационного института. Теперь уже не молодости удивились ученые мужи: не поздновато ли, мол. А взглянув пристальнее в документы, понимающе согласились — двадцать второй год, у него своя судьба в истории. Некогда было учиться.

Идет старший инженер Маслихин по цеху.

-Здравствуй, Аркадий Петрович!

-Здравствуй.

Руку налево, руку направо.

-Здравствуйте Аркадий Петрович!

-Здравствуйте.

Руку налево, руку направо. А вот и железные знакомцы. Один свистит сжатым воздухом, перекидывая латунные цилиндрики под сверло-автомат. Другой расставляет детальки на следующей позиции. Хорошо крутятся. Доволен Маслихин своими разработками. А еще он шесть месяцев бился вместе с другими над шипами, детальками мелкими, но важными в электроаппаратах. Сегодня надо наведать и станок для нарезки сердечников. Здесь не только знакомцы, но и детища Маслихина. Шесть авторских свидетельств на изобретения подтверждают это: «Переключатель», «Роторный переключатель», «Механизм фиксации переключателя», «Универсальный переключатель». Все одно и то же- винтики, контакты. Несведущему человеку скучным покажется. А между тем большую радость конструктору приносит успех там,

где уже многие головы поломали, если уже и в серии, сотнями тысяч идет изделие. Бывает всего только ось контакта переместил на несколько миллиметров, и вот оно — то, что искал. Тем более, что это смещение неузнаваемо изменило качество изделия. Раньше контакт в выключателе размыкался при небольшой встряске, а теперь колоти копром — цепь не разомкнется. Необходимость в такой устойчивости есть у многих механизмов.

Любит Аркадий Петрович работать над своими творческими идеями в тишине, дома, где самая любимая «мебель» — исколотая по углам чертежная доска. Он сам на ней выучился, и сыновья в инженеры вышли, и даже соседям она помогала. Счастливая доска.

«Надо было взяться за автоматизацию сборки, — думает Аркадий Петрович, склонившись над этой доской. — Только бы болезнь не свалила. И так два года из института вырвала, два — из работы. С врачами всеми переругался — диагноз не могут определить...»

А чего его определять — контузия. С другой стороны, откуда им симптомы знать, война их только нам оставила. И то немногим. Говорят, от призыва двадцать второго года лишь три процента в живых».

А мысли сами собой бегут, отвлекают от работы.

«Конечно, недоучек и среди врачей хватает. И среди инженеров. Придет мальчик в конструкторский, образование есть, а профессионализма ни на грош. И нацеленности нет. Готовности биться над проблемой, жить делом, которое задано. Из ПТУ приходят и того хлеще. Отсюда и дисциплина, что в некоторых отделах, что у станков — лишь бы не напивался. Так и парторг Кальметьев считает, и Нечаев, и Пухальский, с которым не раз говорил.

А может это и не так...

Мы с придирчивостью

намеренной

Смотрим на пришедших

нам вослед

С твердокаменной.

Самоуверенной
Колокольни тех высоких
лет...

Да что это я пекусь. Свои уже выросли, работают Валерка и Олег вроде честно. Не в них дело... Все-таки мы утратили что-то в воспитании молодых. Перестали грань различать между добротой и требовательностью к детям.

И припомнилось Аркадию Петровичу. Как замполит в армии писал на него рапорты. Взысканий, мол много объявляет солдатам. Объявлял комбат взыскания. Зато друзей и подруг разрешал солдатам приводить прямо в часть, угощали их в столовой, кино им крутили. И ни одного ЧП. Соседний батальон - всегда был впереди. Отчеты по взысканиям в норме, зато через полгода - чуть не преступление случилось. Значит чувствовал Маслихин ту грань.

«Доброта нам нужна стратегическая, - опять размышляет Аркадий Петрович. - Вот мне бабка сказки сказывала. На всю жизнь их хватило. Ну чем бы эти сказки нынешним детям заменить, раз уж бабушки пошли совсем юные. Мультфильмы - не то. Нужна рука, пахнущая хлебом. Ввести бы вот нравственное воспитание в школах, как предмет важнее математики. Главное то ведь научить готовности отдать себя, а не брать себе».

Не первая наша беседа затянулась. Я все искал в биографии Аркадия Петровича Маслихина подвиги. Уж очень хотелось назвать его Муромцем, богатырем из тех первых граждан СССР, которые первыми же стали на защиту небывалого союза, приняли огонь на себя. И нашел в нем - нацеленность, вернее цельность характера. Может она сродни подвигу, если положить на ординату всю жизнь. А Муромцем я назову Аркадия Петровича хотя бы потому, что родом он из городка с тысячелетней историей, из Мурома.

